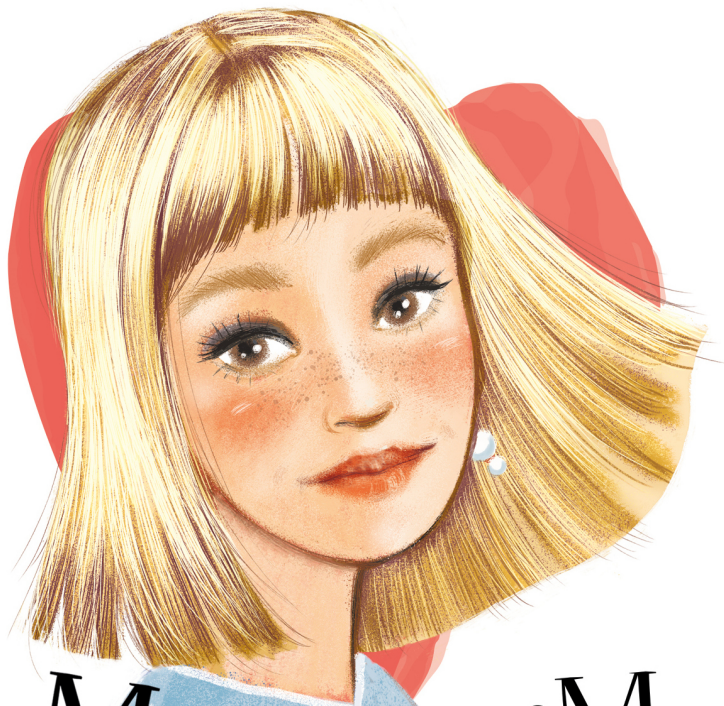

ЕЛЕНА УСАЧЁВА

МЫ СТАНЕМ ЗВЁЗДАМИ!

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Елена Александровна Усачева
Мы станем звёздами!
Серия «Мой первый роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215185
Усачёва, Елена. Мы станем звёздами! : АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155492-7

Аннотация

Марине 13 лет. Почти. Хочется быть популярной среди одноклассников. И вообще популярной. Она красивая, но не заводная, не такая, которая нравится всем своей энергией и задором. Просто тихая, положительная девочка, по определению учителей. А какие страсти кипят внутри «положительной девочки» – это никому не интересно. И вот случай – стать звездой соцсетей благодаря суперхаризматичному Владу! А надо ли это Марине? Может, лучше остаться на диване с кошкой Лисой?

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава первая. Неудачный кадр	7
Глава вторая. Тайна	18
Глава третья. Арифметика любви	29
Глава четвертая. Боевая ничья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Усачёва

Мы станем звёздами!

© Усачёва Е.А., 2023

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Глава первая. Неудачный кадр

Камера скакнула, потеряла фокус. Картинка сместилась на ноги ведущему.

– Эй! Что ты снимаешь? – крикнул Ванс, подпрыгнул, словно камера прожгла в его белых кроссовках дырку, в динамиках грохнули помехи.

Маринка помнила, что Натусик в тот момент толкнула ее, прошептав:

– Глупость какая!

Камера выровнялась. На экране снова была смеющаяся Натусик, натужно улыбающаяся Маринка.

– Друзья! – закричал Ванс в микрофон. – Если у вас есть нормальный оператор, свяжитесь со мной! Наводи на лавочку!

– Сам ты лавочка, – прошептала Натусик, но на звуковую дорожку это не попало, осталось только в памяти у Маринки.

– Как дела? – Рука с микрофоном потянулась к Натусику.

Маринка почувствовала, как покраснела. Тогда ее это задело. Почему Влад повернулся к Натусику, почему не к ней? И сейчас все это вспомнилось, как будто только что произошло. Она положила локти на стол, подперла голову плечами, заставляя себя смотреть на экран.

Рука с микрофоном, Натусик подбирает слова для ответа, камера захватывает плечо Маринки. Криворукий Кирию-

ха даже не стал ее снимать. Но вот камера поехала в сторону и вниз, показала сланцы оператора.

– Все нормально, – пролепетала Натусик.

– Как вы относитесь к тому, что... что...

Маринка помнила, как Влад искал, о чем бы спросить, смотрел на небо, на своего приятеля, и тут только заметил, что тот опустил руки.

– Кирюха, что ты снимаешь! – заорал он тогда.

Маринка с Натусиком засмеялись, подружка завалилась за спину Маринке, подталкивая ее вперед. Маринка посмотрела на Ванса и покраснела. Совсем как сейчас.

Но всего этого на видео не было. Смех и комментарии Натусика вырезаны. После нескольких вопросов «что» и сланцев оператора картинка поплыла по деревьям. Снова крупным планом был Ванс. Влад Ванс, он же Хавченко, звезда ютуба и восьмых классов.

– ... Что... – тянул он в микрофон, – сегодня такая плохая погода, а мой оператор обут как доисторический человек?

Камера дала крупным планом лицо Марины. Она сморщилась, сдерживая смех. Картинка встала на паузу, резко приблизилась. Некрасивое перекошенное лицо, зажмуренные глаза, торчащие щеки. Надпись: «Твое лицо, когда ты узнал, что две параллельные прямые не пересекаются!?!?!»

Маринка свернула изображение на экране и крутанулась на кресле.

Вот ведь попала! И это в начале года.

Глупость, глупость, глупость!

На глаза навернулись слезы. Она под села к компьютеру, собираясь написать под видосиком гадость. Влад – жаба, пусть сначала снимать научится, оператор у него криворукый, а монтаж – в Марвел его работать не позовут.

«А, ты та параллельная девочка?» – на разные голоса закрутился у нее в голове вопрос. И ведь сразу гифки посыплются: состроенная рожица, как на видео, – вся сморщенная, с щеками вперед. Это теперь ее ад на ближайшие несколько лет.

Блям.

«Смотришь?» – прилетело в чатик от Натусика.

«АААААААА!»

«Не жмурься!»

Она еще и издевается. Не ее лицо будет во всех телефонах 6 «Б» класса.

Уф... что ж так тяжело-то? А ведь только утро.

Долго стояла в ванной, смотрела на себя в зеркало.

Красавица, ну что тут скажешь, – волосы длинные, светлые, ямочки на щечках, аккуратный носик, темные глаза.

Зажмурилась, состроила рожицу как на видео. Может, в школу не ходить?

– Мам! – крикнула Маринка. – У меня горло болит.

– Давно? – Мама хлопнула ящиком на кухне, звякнули приборы.

– Глотать больно.

– Люголь из комнаты принеси.

Маринка снова состроила рожицу. Самое страшное лекарство, которое придумало человечество, горькое и липкое, как и само слово – лю-го-ль.

– Не так сильно болит! Я один день пропущу.

– Около люголя папин ремень лежит, тоже прихвати.

– Ну, мам...

– Болит горло, лечи хвост, – мама появилась на пороге ванной. – Хватит тратить воду и иди завтракать.

– Правда, болит!

– А у меня от тебя голова болит. Пошли.

На большом белом овальном столе красовалась одинокая тарелка, и в ней были явно не шоколадки.

– Не буду кашу, – капризным тоном заявила Маринка. Ко всем несчастьям еще и эта белая склизкая гадость.

– Тогда мороженое. – Мама заглянула в морозилку.

– А есть? – сунулась следом Маринка.

– Смотрю, горло уже прошло. – Мама выпрямилась. –

Быстро кашу и в школу.

– Я не могу! – Маринка упала на стул, сложила руки на груди. Слов не было, чтобы передать все отчаяние. Ну почему мама ее не слышит! Почему мама ее никогда не слышит!

– Кашу или школу?

– Школу!

– Тогда начнем с каши. – Мама придвинула к ней тарелку и ушла. Вместо нее появилась кошка Лиса. Трехцветная

и пушистая. Осторожно переступила порог кухни и села, подобрав хвостик. Маринка протянула ей ложку.

– Кашу будешь?

Лиса отвернулась.

– И ты туда же, – Маринка вздохнула и принялась размазывать кашу по тарелке.

В школу идти было страшно. Сейчас там такое начнется... Или не начнется? А вдруг – никто ничего не заметил? Ну, подумаешь, видос! Влад Хавченко популярен, конечно, но не все сразу смотрят его канал. Он и сам постоянно жалуется, что у него мало подписчиков.

«Семь часов работы, а посмотрят пять человек», – мысленно передразнила его Маринка.

Недавно Влад на своей страничке в соцсети задал вопрос: смотрят, нет? Результат Маринка не проверила. Конечно, смотрят! Еще как! Но вот кто? Восьмиклассники? Кто будет обращать внимание на каких-то девчонок из шестого, случайно оказавшихся на лавочке? Для всех старшеклассников младшие на одно лицо. Точно! Ее не заметят. И Натусика там больше. И она тоже не красавица, смеется глупо.

Маринка сунула ложку каши в рот и побежала в комнату за рюкзаком.

Если бы она знала, как ошибается, ни за что бы не вышла из дома. Пусть мама грозитя карами, обещает все рассказать отцу, не дать деньги на воскресное кино, не купить новую куртку и даже отобрать телефон на три дня...

Первый, кого она увидела в классе, был Сашка Слепцов. Вместо приветствия он надул щеки и сощурился. У Маринки похолодело в душе. Она выронила рюкзак, еще и споткнулась об него.

– Биссектриса – это такая крыса... – гаркнул ввалившийся следом за ней в класс Виталя, и они с Сашкой засмеялись.

Тупые уроды!

Маринка упала на свое место, опустила лицо в сложенный локоть. Вот не поднимет головы ни за что! А когда встретит Ванса... Ух, она ему устроит!

Парта дрогнула. Рюкзак Натусика всегда был тяжеленный. И вроде бы ничего такого особенного она туда не клала, но все равно – весил, как космический корабль.

– Ты чего? – пропела Натусик у Маринки над ухом.

Пацаны продолжали ржать и демонстрировать свои познания в геометрии – в прямых, углах и точках. Маринка пыталась выдавить из себя слезу. Не получилось. В душе клокотала ярость. В ушах стучало, и ничего не было слышно кроме этого стука. Под этот стук родился вдруг ясный ответ на вопрос: «Откуда все знают о видосе?»

Вскинула глаза на подружку. Натусик спокойно выгружала из чемодана учебник и тетрадку.

– Это ты? – прошептала Маринка.

– Где? – спросила подружка, оглядываясь.

– Ты всем кинула ссылку на видос? Откуда они могут знать? И дня не прошло.

Натусик расширила глаза, очень натурально изобразив обиду.

– От Илона Маска, – фыркнула она. – На канал Ванса вся школа подписана.

– Не верю! – Маринка посмотрела на класс. Показалось, что перед ней одни скорченные рожицы и от каждой парты ползет: «Параллельные...»

Пришлось сжаться, чтобы стать как можно незаметней.

– Завтра забудут! – заверила Натусик.

– Я его убью, – буркнула Маринка, опять пряча лицо в сгибе локтя на парте.

– Хочешь, я подойду к Хавченко и скажу, чтобы убрал видос?

Маринка резко выпрямилась. Ничего себе Натусик храбрая! Вот так запросто и к самому Вансу?

– Ни в коем случае! Я тебя убью!

– Всех убьешь? – хмыкнула хитрая Натусик.

– Не знаю, что делать, – протянула Маринка.

Сейчас было бы хорошо заплакать, в голос. Но слез все еще и близко не было.

Маринка стукнулась лбом о парту. Легче не стало. Впереди был длинный день, переход из класса в класс, коридоры, столовая и... А если она встретит Влада? А если он ее узнает? Ну конечно узнает, он же монтировал!

Кровь ударила в щеки, запыльхали уши.

– У меня болит горло, – прошептала Маринка, медленно

выпрямляясь.

– Забей! – Натусик сбросила свой сейф под парту, пол дрогнул. – Дома не так весело, как в школе.

Может быть, дома не весело, зато надежно. Никто не станет корчить рожи, не зашипит противное в спину. Дома можно встретить только Лису. А вот в школе... О, в школе все может случиться. И почему Влад со своим приятелем Кирюхой подошел к ним? На соседней лавочке тоже сидели девочки.

Хотелось додумать эту мысль до конца и сотворить что-то совсем невозможное. Но в кабинет вошел математик, начался урок. Маринка грызла ручку. Цифры скакали перед глазами.

Не заметила, куда на перемене улизнула Натусик. Она как-то быстро собрала свои вещички и ускакала. Слепцов бросил на ее парту лист бумаги и исчез. Просто линии, по клеточкам провел – параллельные и перпендикулярные.

Параллельные.

Смяла листочек и смахнула на пол. Следующим был русский. С третьего этажа надо было перебираться на четвертый. Но сил на это не осталось. Маринка сидела, смотрела перед собой. В кабинете уже хозяйничали дежурные другого класса, они закрыли дверь, распахнули окна, что-то стали раскладывать на предметном столе, выравнивали стулья и парты.

Маринка упорно продолжала сидеть. Домой что ли бе-

жать? Мама ушла, придет только в обед. Целых три свободных часа. Еще раз посмотрит видос, поймет, что ничего страшного...

Звонок сдернул со стула. Она схватила рюкзак, учебник с тетрадкой, продралась сквозь хлынувшую в кабинет толпу.

В коридоре никого. Отлично! Лестница. Вроде никаких учителей нет. Она проскочит. Четвертый этаж.

– Эй!

Опять зажмурилась. Все утро жмурится, чего бы сейчас не повторить?

– Марина, да?

Глаза открылись сами. От удивления.

Влад Ванс, он же Владислав Хавченко. Стоит, с ноги на ногу переминается. Кроссовки белые. Очки. Волосы зачесаны назад, дыбятся, челка распадается.

– Ну, ты это... – Улыбнулся. Хорошо так, тепло. – Не обижайся. Я не хотел. Само как-то вышло.

Протянул сжатый кулак, мол, ударь в ответ. Еще и глазками заморгал, как милый котик.

– Хочешь, убью видос?

Маринка замотала головой. Что происходит? Это же Влад Хавченко! Звезда школы и ютуба. Случайно сюда забрел?

– Тогда забились? Все путем?

Не дождавшись ответного кулака, Влад опустил руку. Маринка невольно проследила за движением. Белая рубашка, красный узкий галстук, черные брюки.

– Путем. – Губы склеились, и слово получилось как «ути». Покраснела.

– Ну ты, короче, появляйся! – крикнул Влад, спиной вперед отступая по коридору. Мягко перекатывался с носка на пятку. Как будто в танце.

Маринка улыбнулась. Влад скрылся.

К ней подошел Влад Хавченко, а она стояла и молчала, как первоклашка на новогоднем утреннике. Она собиралась его убить. Но это же Влад! Сам Влад! Куда-то шел, заметил. Он ее запомнил! И даже имя знает!

От восторга невольно пискнула, прижала руки к груди, подпрыгнула. Супердень! Отличный день! День-огонь!

Дверь распахнулась, выглянула русичка.

– А ты тут что делаешь? – ахнула она. – А я слышу шуршание какое-то и словно придавили кого. Меркулова, а ты чего не заходишь?

– У меня горло болит, – пролепетала Маринка.

– А ноги не болят? – учительница сделала утомленное лицо. – Проходи. А хочешь прогулять, приноси справку.

Это был окончательный и бесповоротный позор. Снова на нее все пялились. Сашка состроил рожу, Виталя еле сдерживал смех, девчонки изображали разную степень недовольства, кривили губы, шептались и хихикали.

– А кому очень весело, сейчас будут у меня сочинение писать! – заткнула шебуршание класса учительница.

На негнущихся ногах Маринка прошла к своей парте. Ли-

цо польхало. Натусик смотрела во все глаза. И только сейчас Маринка поняла, что произошло. Почему все так на нее уставились. Влад не случайно ее застал. Он всю перемену отирался около класса. Приди Маринка раньше, его бы мало кто заметил. Но Маринка задержалась, боясь с ним случайно встретиться. А он ждал. Может быть, даже спрашивал про нее. И тут она заявила под гром оваций.

Это был самый страшный позор, который может случиться с человеком в шестом классе. Уф, поскорее бы этот день прошел. А заодно и вся жизнь. Какая же она запутанная.

Глава вторая. Тайна

И все-таки... И все-таки жизнь была прекрасна и удивительна. Который раз Маринка изумлялась, сколько может вместить в себя один день. Утром она была готова умереть, не хотела идти в школу, а к концу дня все стало очень хорошо. И пятерка по рисованию только добавила оптимизма. Пойдет учиться на дизайнера, создаст самую крутую студию в городе. Станет мегаизвестной.

От хороших мыслей отвлекла Натусик. Подкралась незаметно, замерла над плечом.

– Ты слышала? – Натусик перекинула из руки в руку свой неподъемный чемодан. – Пятнадцатая собирается бить наших.

– Кого? – Маринке было слишком хорошо, чтобы впускать в себя что-то еще.

– Ну Влада с компанией. Их «Дэнс» что-то не поделил с пятнашкой. Восьмые забились с ними встретиться на улице.

– Чего? – Услышанные слова не соединялись в единое предложение, Маринка не понимала.

– Кто-то там наехал на их девчонок, – терпеливо объясняла Натусик, – Влад об этом написал, и пятнадцатая... Да ладно! Ты пойдешь? Будешь болеть за Влада?

– Кого?

– Ну тебя! – Натусик побежала сквозь толпу на выход.

Маринка посмотрела в окно. Все сказанное ссыпалось у нее в создании в одну кучу, и вдруг оттуда выскочило: «Влад» и «бить», а еще внезапное «девчонки». И уже следом притянулось неприятное: «Пятнашки». Так назывался танцевальный коллектив соседней пятнадцатой школы. В Маринкиной школе тоже есть танцевальная студия «Дэнс, дэнс, дэнс». Влад туда ходит? Вот уж ни за что не скажешь. Он такой...

Какой?

Маринка вошла в раздевалку, стала искать свою куртку, нагибалась под вешалками, задевала чужую одежду. Где же, где же? Не выдержала, села под батареей, достала телефон, зашла в сеть. Вот страница Влада, пролистала ее чуть назад. Фото с дипломом. Что там? «Лауреат II степени межшкольного конкурса танцев...» Танцев... Сто семьдесят пять комментариев. Народ интересуется, что за танцы, шутят, что Влад заделался в балет. «Хип хоп мальчик» написала Мариушка, а Маркосик спросил, с кем соревновался Влад.

От ответа у Маринки перехватило дыхание.

«С балетом и соревновались».

«А чего не выиграли?»

«Девочки больно невежливые, их легче было вперед пропустить»

«Может, вы им просто понравились?» – игриво спросила КатяКошка.

«Разонравились, – прилетел ответ в следующую минуту. – Нам от этого ни горячо, ни холодно. Мы-то знаем, кто и как».

*«Девочкам актив заработали», – откомментировал Сеня Ва-
кенков.*

Закружилась голова – буквы поплыли, комментарии сли-
лись в один.

«Когда фан встреча?» – спрашивал ПлэйБой.

«Когда стану популярным», – ответил Влад.

«Считай, уже популярити», – написал ПлэйБой.

Больше комментариев не было.

Маринка прокрутила ленту вверх. Двести лайков. Ниче-
го себе!

– А ты тут что сидишь?

Окрик вывел Маринку из задумчивости. Сквозь решетку
гардероба заглядывал охранник.

– Я куртку потеряла, – буркнула Маринка.

Она пару раз дернулась встать, ноги не слушались.

Охранник ухмыльнулся:

– Ты в ней.

Маринка хлопнула себя по бокам. И правда, в куртке. Что
она тогда искала?

– А там, на улице?... – начала неуверенно.

– Нет ничего на этой улице. Даже дождя. Домой иди.

Подтянувшись на подоконнике, Маринка встала. По но-
гам бегали противные мурашки. Дождь? При чем здесь

дождь? Ведь там...

– А как же драка?

– Что еще за драка! – Охранник был невысокий, с осторожными залысинами надо лбом. Недобрый. Всегда подгоялся, всегда кричал. – Домой иди! Нечего тут.

Заглянула Натусик. Взъерошенная какая-то. Поманила за собой:

– Где ты там?

Пропорхнула через турникет и исчезла в тамбуре.

Маринка сунула руку в карман. Чтобы выйти на улицу, нужно пройти турникет. А чтобы открыть турникет, нужна карточка. Карточка, карточка, где же ты? Рюкзак? Зеленая ленточка из бокового кармашка не торчит. Не было карточки и в маленьком отделении. Когда утром пришла в школу, турникет перелезала или под ним проползла? Может, проскочила за кем-то? Вроде нет, вроде сама открывала.

– Выходи уже! – Охранник опять усмехался. Сегодня он был на удивление добрый.

На экранчике стойки загорелась зеленая стрелка. Маринка надавила на турникет, он крутанулся, выпуская.

Натусик стояла на верхней ступеньке крыльца, пялилась в телефон.

– Что было? – спросила Маринка, доставая свой.

– Да ничего. – Натусик что-то быстро-быстро писала. – Кто-то из «Пятнашек» приходил.

– Из-за комментариев в посте? Или еще из-за чего?

– А ты откуда знаешь?

Маринка показала смартфон. Натусик покосилась на свой, перевернула его спинкой вверх, словно там была допинформация.

– Ничего себе! Ну, только ты увидела. А чего там?

Маринка пожала плечами. Чего рассказывать, если Натусик сама все найти сможет. Вон – уже смотрит.

Площадка перед школой пустела. Народ расходился, между кустов сирени гуляла началка.

– А Хавченко где?

– Раньше ушел. Его мама забрала. – Наташка опять что-то строчила.

– Он что, не знал?

– Да кто этих «Пятнашек» угадает. Пришли, потоптались и домой повернули. Восьмые решили все замять.

– А чего поругались-то?

– Так у «Дэнса» на разминке девчонка плечо вывихнула. Она отработывала разворот, а там из «Пятнашек» пацан какой-то вроде как специально подсунулся. Она и ударилась. И на выступлении не смогла рисунок выстроить. Им баллы и снизили.

Так вот кого Влад «девочками» назвал – пацанов «Пятнашки». И еще «балетом». Фу, как неприятно.

– Драки не будет?

Натусик заморгала часто-часто – всегда так делала, когда ее переполняли эмоции. И Маринку эмоции тоже перепол-

няли – в такт моргания Натусика она пыталась дышать.

– Да какая драка! – Натусик сунула телефон в карман, посмотрела по сторонам и погрустнела. – Пошумели, и все. Влад ничего и не узнает. Ну все, давай.

Поцеловала Маринку в щеку и побежала к центральным воротам.

«Откуда ты все это знаешь?» – хотела спросить Маринка.

Но Натусика уже не было. Она убежала.

Маринке тоже надо было к воротам, но не через дорогу и налево, как подружке, а через дорогу и направо. Натусик на шоссе живет, а Маринка тут же во дворах.

Четырнадцатый этаж. Коридорная дверь. Дверь в квартиру.

Зрение сузилось. Прихожая. Тамбур. Комната. На кровати спит Лиса. Маринка подхватила кошку, упала в постель, закопалась в подушку и одеяло.

На душе было странно и незнакомо. Утренняя обида на видео, встреча у кабинета, недодрака после уроков. А ведь Влад всего этого не знает. Может, друзья договорились ничего ему не говорить, чтобы он не сорвался с какого-нибудь очень важного для себя дела? И вот он будет идти по улице, ни о чем не подозревая, а там эти...

Маринка достала телефон, вошла в соцсеть. От первой же фотографии Влада ее снова бросило в краску. Она потерлась щекой о теплый бок Лисы. Кошка недовольно выгнула спину и выбралась из рук.

Да, надо предупредить. Зачем человека оставлять в неведении?

«Привет», – кинула она в мессенджер.

Написала и, конечно, сразу испугалась. Захотела удалить, но такой опции не было. Улетело так улетело.

Влад прочитал и не ответил.

Думает, что сказать. Это же так сложно – ответить на приветствие.

Маринка обновляла и обновляла страницу, но в мессенджере ничего не происходило.

Не выдержала, написала:

«Ты знаешь, что было сегодня?»

Потом еще отправила пять сообщений, но все улетели словно в пустоту. Влад их читал и молчал.

– Маринка! Ты хотя бы свет выключала! Что он у тебя так просто горит!

Мама. Слышно, как разувается в прихожей. Идет на кухню.

Маринка закрыла глаза.

– А не пообедала почему? Я для кого готовила? Марина!

Мама появилась на пороге комнаты.

– Ты еще и не переоделась! Сколько времени прошло!

– Сейчас переоденусь, – Маринка нехотя полезла из одеяла.

– Ну ты же в уличном сидишь на постельном белье. Спать как потом будешь? Ты уроки сделала?

Уроки, уроки... Ах, мама, если бы ты знала, до какой степени ей сейчас не до уроков.

– Хватит тянуться! Вечер уже. Что у тебя сегодня в школе?

– Мне пятерку по рисованию поставили.

– Отлично! Пойдешь работать маляром на стройку. Лиса кормила? Да что ты в этом телефоне застряла! Я с тобой разговариваю!

Ответа не было! Опять не было.

– Ну, мама! – взвыла Маринка, снова падая на кровать. Почему родители со своими претензиями всегда так не вовремя! Почему надо постоянно делать то, что не хочется!

– Лиса! А ты почему так себя ведешь? Кому утром корм положили?

Это уже из кухни. Можно не торопиться с переодеванием. Теперь мама займется кошкой.

Проверила чат.

Тихо.

И новых постов у Влада нет.

Кажется, она уснула. Тянулся тяжелый полусон-полуявь. Она все перелистывала и перелистывала страницу Влада, и эти страницы начали оживать. Влад улыбался, корчил рожицы, шел по коридору с сэлфи-палкой. Танцующей походкой двигался спиной вперед, манил за собой. Она торопилась следом, но быстро терялась. Коридор становился бесконечным.

«Марина!»

Кричали как будто с улицы. Она забралась на подоконник, выглянула. Двор оказался неожиданно близко, словно смотришь с первого этажа. И его тут же затянуло молочным туманом. На коленях оказалась книга. Раскрыла ее.

«Марина!»

Это ее зовет Влад. Обернулась. Из распахнутой книги вспорхнул голубь, задел лицо крылом.

– Ты что же это спишь? – Вопрос мамы смазал картинку. Выбираться из нее пришлось, словно из длинной трубы. Просыпалась и тут же проваливалась обратно. Ватная истома заполнила все вокруг.

– Уж не заболела ли ты?

– Нет! – Маринка резко села.

Мама потрогала лоб, заглянула в глаза.

– Плохо выглядишь. Давай-ка раздевайся и ложись нормально. Уроки сделала?

– Я лягу, хорошо, – заторопилась Маринка, уходя от неприятного вопроса.

Мама села рядом, поджала губы, покачала головой.

– В школе все в порядке? – спросила она.

– В школе? – Маринка тащила через голову свитер, застряла. – Да.

Хорошо, что мама ее не видит, потому что Маринка врет, а когда врет, то мама это всегда замечает.

– Так, давай я тебе сейчас чай с малиновым вареньем при-

несу, – поднялась мама. – А ты ложись.

– Да я нормальная, – заканючила Маринка. – Я завтра пойду в школу.

Забралась под прохладное одеяло. Конечно, пойдет. Ей надо увидеть Влада. Он получил сообщения. Не ответил. Почему? Чтобы поговорить лично. Ну, конечно!

Мама поила чаем, заставила съесть целую плошку варенья. От всего этого стало жарко. И уже было непонятно – это жар чая или мыслей.

Больше нормальный сон к Маринке не пришел. Она ворочалась. Вернувшись из института сестра среди ночи бросила в нее подушку, буркнула недовольное. Маринка сегодня всем мешала.

– Э! Да ты заболела! – сказала мама, когда увидела Маринку утром. – Может, школу пропустишь?

– Пойду! – Глотать было больно, но не сильно. Да и при чем тут горло, когда ей необходимо оказаться в школе. Влад так и не ответил. И если они сегодня не увидятся, то не увидятся уже никогда.

Поплескала на лицо холодной водой. Щеки только еще больше покраснели, в глазах появилась резь. Побежала в комнату, вытащила из ящика сестры розовую коробочку, махнула на себя полный спонж рассыпчатой пудры.

– Ты что делаешь?

Как только ты берешь чужое, тут же появляется его хозяин. Ира ударила по руке. Пудра взлетела и разом оказалась

езде – на одежде, на столе, на кровати.

– Это ты виновата! – взвизгнула Маринка, кидая в сестру спонжем.

– Зачем ты взяла?

– Ничего я не брала! Мама!

Мама выглянула из коридора и даже не стала разбираться, кто в чем виноват.

– Утро, а вы мне уже надоели! – крикнула она. – Быстро выметайтесь отсюда! Обе! И чтобы к вечеру комната была убрана! Вы меня поняли? Отберу у обеих телефоны!

Маринка зло глянула на сестру. Могла так и не орать, подумаешь, немного пудры. Ира ответила таким же злым взглядом, развела руками, показывая на разбросанные вещи. Ткнула в Маринку пальцем. Маринка фыркнула, подхватила рюкзак и пошла в прихожую.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама из кухни.

– Нормально, – буркнула Маринка.

Если бы здесь был папа, он бы ее поддержал. Единственный человек во всем мире, с которым можно поговорить. Он бы объяснил, почему Влад так и не ответил на ее письма.

Но папа ушел на работу. Говорить было не с кем.

Глава третья. Арифметика любви

Го рло все-таки немного побаливало, в глаза словно сыпали песка. На уроке литературы Маринка поняла, что не поменяла учебники в рюкзаке, и теперь сидела с тетрадкой по русскому, по пятому разу обводя тему урока «Повесть временных лет. Плач Ярославны».

Вот жизнь... столько времени прошло, а там все кто-то плачет и плачет.

Влада удалось заметить только на большой перемене в столовой. Он смеялся, он был с друзьями. Он был окружен такой плотной стеной друзей, что даже если бы захотел, не смог заметить Маринку. Но он не хотел. Он не искал.

Еще раз заметила его, когда с четвертого этажа шла на музыку на второй этаж. У кабинета русского стоял смех. Вскрикнули:

– Снимай! Снимай!

Маринка узнала голос и невольно замедлила шаг.

Влад полуприсел, растянул губы в дурацкой улыбке, задрал брови. Белая рубашка, тонкий галстук, черные брюки. Ребята навалились на него сзади, один упал. Девчонка в мини-юбке стояла с телефоном.

– Только чур не выкладывать! – крикнул тот, что упал.

– Конечно! – отозвался Влад, забирая телефон у девчонки. – Мы для этого и сфоткались.

Маринке показалось, что Влад ее увидел. Но вместо того, чтобы остановиться и поболтать, она вдруг побежала, в два прыжка преодолела лестничный пролет, устремилась дальше и затормозила только у кабинета музыки.

– Ты чего бегаешь? – спросила Натусик и поморщилась.

– Горло болит, – пробормотала Маринка, отводя взгляд.

Не хочется ни на кого смотреть. Ну и что, что Влад фотографировался. Ей-то до всего этого какое дело? Он сейчас с одноклассниками или друзьями. Ничего в этом странного нет. Странно было, когда он с оператором к ним с Натусиком подошел, – это да. А тут...

– Слушай, ты не знаешь, почему Влад нас снимал, а не девчонок на соседней лавочке? – спросила вдруг Маринка. Вдруг – потому что сама удивилась, что задала этот вопрос. Не об этом же думала. Или об этом?

– Потому что мы самые красивыееее! – пропела Натусик, входя в класс.

Ну да, красивые. Кто бы спорил... Конечно, если задавать глупые вопросы, то только им. Но все равно.

На музыке говорили о фольклорных жанрах. Слушали песни, подпевали. Учительница сияла. У нее была раздражающая особенность радоваться всему. Слепцов фальшивил, она говорила: «Великолепно!» Натусик не успевала в ритм, это тоже было «Прекрасно».

– Ну хорошо, – вздохнула учительница, когда певец закончил тянуть последнюю ноту, а народ перестал в разно-

лосицу за ним повторять.

Маринка закрыла глаза и прислушалась к себе. Вдруг и правда стало хорошо. Ушла саднящая боль из горла, голове стало легко, словно из нее вычерпали все тревоги. Про резь в глазах забылось.

– Давайте еще раз послушаем эту песню и разложим ее по голосам! – раздавала команды учительница по музыке.

Снова запел солист. Учительница прикрыла глаза от наслаждения.

Вот правда. Были же все эти сомнения, вопросы, а теперь – ничего, словно эта старая, всеми, кроме учительницы, забытая мелодия, унесла их далеко-далеко. Не было никаких потрясений. Все в порядке.

– Параллельная, – услышала она шип через ряд.

– Дятел, – повернулась к Сашке Марина.

Натусик оказалась права – все забылось, и теперь ей было совершенно все равно, какие рожи корчит Слепцов. Только немножко грустно. Ведь непонятно – что же это было? То, что закончилось...

И все эти сомнения Марина проносила с собой весь день и вывалила на папу, который неожиданно оказался дома. Ботинки в прихожей, свет по всей квартире, громко работающий телевизор на кухне.

– Папа! – кинулась она к нему на шею.

– Дочь! Ты хорошо учишься? – Папа попытался придать своему лицу строгость.

– Ну папа! – взвыла Маринка.

Она не любила, когда папа начинал строить из себя что-то скучное.

– Мама сказала, что ты болеешь.

– Я не болею, – надулась Маринка. – Я нормальная.

– Да уж вижу. Будешь чай с тортом пить?

У папы был талант из ничего устраивать праздник. Он мог неожиданно купить мороженое или манго. Посреди размеренного вечера вдруг предложить пойти в кино или поехать на пруд посмотреть оранжевых уток огарей. Или они вдвоем оказывались в бассейне. Или он учил Маринку грести на весельной лодке в парке отдыха. Мама всегда была недовольна, а Маринка счастлива – это были те мгновения, когда папа доставался только ей.

Сегодня торт! Как кстати.

– Бери нож, работай, – командовал папа.

О! Это была самая сладкая команда, которая когда-либо звучала. Маринка вытащила самый большой нож и щедро разрезала торт двумя движениями на четыре части. Отец рассмеялся, взял нож поменьше и сделал из одного куса два.

– По-честному. – Он прищурился, оценивая размер кусков.

Блюдца доставать не стали, ели ложками из коробки. Маринка торопилась и как-то сразу наелась половиной своего куса, ковырнула ложкой крем.

– Папа, а почему ты выбрал маму?

Вопрос вырвался сам собой. Она об этом не думала раньше. Мама и папа были ее данностью, ее правильным миром. Самая лучшая, самая красивая – мама, самый сильный и умный – папа. Они были вместе всегда. Еще до того, как на Землю прилетел метеорит и стряхнул с нее динозавров. А люди удержались, потому что они всегда к кому-то привязаны. Друг к другу, например.

– А с чего ты взяла, что я ее выбирал? – Папа ел медленно и осторожно, но при этом подбирался уже к третьему куску. – Просто увидел, и мы сразу стали вместе.

– Но почему? Почему не кто-то другой?

– А тебе нужен кто-то другой? – Папа вонзил ложку в расковырянный Маринин кусок.

– Нет, но как понять?

Папа глянул на Маринку, ухмыльнулся и вновь принялся уничтожать торт.

– Просто она хорошая, – буркнул он, отхлебывая чая.

Ответ был неправильный. Не тот. Он ничего не объяснял. Папе было легко выбрать маму. Она уже была – мамой. Хорошей, красивой и единственной. Другой такой не было. Тут не ошибешься. А как же быть ей? Как понять, что все идет правильно? Никто не спешит появляться с табличкой «Я – твой».

Маринка выбралась из-за стола.

– Что у тебя сегодня, может, погуляем? – спросил папа и посмотрел на нее просительно. Он всегда ухитрялся как-

то так все предложить, что выходило – это ему Маринка делает одолжение, это ему хочется смотреть огарей и плавать в бассейне.

– У меня уроки... – отозвалась Маринка.

– Значит, после них, – легко согласился папа, подливая себе чая.

Предложи папа это вчера, Маринка бы сразу согласилась. Какие могут быть уроки, когда впереди ждут неожиданности – встреча белки в парке, разговор с енотом в контактном зоопарке или горы мармеладок в магазине, где глаза разбегаются от разнообразия. Но сегодня что-то случилось. Это, конечно, была виновата музыка. Странная старинная музыка, не похожая на все то, что слушала Маринка. Ей нравилась музыка тревоги и ритма, чтобы уплыть и не возвращаться. Но сейчас даже ее слушать не хотелось. Почему? Что могло измениться? Куда ее тянуло? Или что она внезапно потеряла?

Маринка забралась в кровать, спряталась в наушники, пролиставла плейлист, искала русские народные песни. И так – переключаясь то туда, то сюда, – она плыла, плыла...

– Я не поняла, это что за безобразие? – крикнула мама из кухни. – Какой торт? Почему не ели суп? И почему вы торт резали мясным ножом? Сколько раз говорить – большой нож для мяса! Где ваши мозги?

Маринка уже выплыла из своих сновидений, поэтому успела и маму услышать, и то, что в чат прилетело сообще-

ние. Быстро глянула. От Влада.

«Привет!»

«Как дела?»

– Маринка! – Хорошо, что успела снять наушники, а то бы мама еще и за них отругала. – Где Ира?

Маринка глянула на соседнюю кровать. Сестры там не было.

– Не знаю.

Студентка первого курса института, Ира была человеком непредсказуемым.

– Почему ты ничего никогда не знаешь. Могла бы написать ей разочек! Пойдем, ты мне нужна. Лисе плохо.

Маринка замерла. Ее сейчас не волновала ни Лиса, ни Ира.

– Что ты сидишь? Пойдем!

– А папа? – тянула время Маринка.

– При чем здесь папа? Пойдем!

Нет! Только не сейчас! Ей надо подумать! Ей надо ответить. В комнате родителей темно. Неужели папа уснул?

– Смотри! – мама уже была на кухне. – Лису тошнит. Ты заметила, что она два дня ничего не ест.

– Не ест? – Мысленно Маринка еще сидела с наушниками, еще думала о тоске народных песен. Поэтому шла очень медленно, не торопясь завернуть за угол и увидеть кухню, где тошнит Лису. Мама ведь может заставить убирать.

– Нельзя быть такой бесчувственной. – Мама в третий раз

пробежала мимо Маринки, что-то собирая, а Маринка все шла и шла. – Как таскать и тискать – ты первая, а как что-нибудь заметить... Я ее попыталась накормить, ее стошнило. Надо ехать к ветеринару. Собирайся. Будешь нести переноску.

– Почему я? – взвизгнула Маринка.

Она не может. Ей некогда. Ей надо вернуться к сугробам и тоске.

– У меня уроки!

– Марина, прекрати! – Мама остановилась. Лицо уставшее, все в морщинках. – Потом уроки сделаешь!

– А почему не папа? – еще упиралась Маринка.

– Потому что он лег отдыхать, а нам надо помочь Лисе. Ты ее не любишь?

Любит? Может быть, но не настолько, чтобы сейчас все бросать и куда-то ехать. Она вообще сейчас может думать только об одном.

– Я сказала, быстро! – Мама была уже в прихожей и натягивала сапоги. На полу стояла переноска.

– Ну почему? – простионала Маринка и пошла в комнату за свитером.

Почему дела нельзя как-то так распределять, чтобы все было по порядку? Сначала Влад, потом Лиса. Ей надо подумать! Ей надо ответить! Почему всегда появляется какая-то срочность, которая все нарушает.

– Быстро!

Мама дернула Маринку за руку, и в этой руке появилась переноска. Сквозь сеточку была видна кошка. Она жалобно крякнула и легла на бок. Ой, и правда, что с ней?

– Она умирает, – прошептала Маринка.

– Пойдем! – Мама стояла в коридоре, перебирала в руках ключи.

Мысль о смерти придала Маринке ускорения. Больше она ни на что не жаловалась. Ей вдруг и правда стало страшно за кошку. Сколько себя помнила, Лиса была с ней. Она терпеливо позволяла себя гладить и таскать по квартире, сносила бантики и заколки, платья и плащи. Лиса была на даче и дома, потому что это была Лиса. Ее не может не быть.

Ветеринарную клинику Маринка запомнила плохо. Были коридоры и затоптанный пол. Лиса жалобно мяукала. Переноску то забирали у Маринки, то возвращали. Лису опять стошнило. А потом кошку унесла медсестра, и они с мамой остались вдвоем на лавочке у стены. Маринка почувствовала, что ей холодно, что пусто рукам. Там должна была быть переноска, а в ней – кошка. Ее не могут вот так взять и унести.

– Она умрет? – прошептала Маринка.

– Перестань! – прошипела мама. – Врачи сейчас выяснят, что с ней происходит.

Маринка ничего не слышала. Она пыталась представить свою жизнь и видела только черную беспросветность.

– Неужели она умрет? – шептала и шептала Маринка.

Остановившимся взглядом мама смотрела на дверь. И эта дверь открылась, выпуская медсестру. Та позвала маму. Тут Маринка почувствовала, что сама немного умирает. Она плыла в странном состоянии без времени и конкретного места. И это длилось, длилось, пока перед ней не появилась мама, а в руках опять не возникла знакомая тяжесть переноски.

– Держи! Пойдем.

– А Лиса? – не поняла Маринка.

– Все в порядке! Просыпайся.

Мама что-то еще говорила, а Маринка, словно космический корабль, медленно причаливала к Земле. И пока состыковка не произошла, она ничего не слышала и не понимала.

Глава четвертая. Боевая ничья

Ой, что было, что было! Утром Маринка совершенно не могла собрать себя. Мама будила, мама толкала. И была не каша, а Маринкины любимые мюсли, и Лиса сидела на кухне и вылизывалась. Но окончательно понять, где она находится – что это планета Земля, что все правильно, все так, как и должно быть, – Маринка смогла только к физкультуре. У раздевалки их встретил физрук, высокий полный дядька, прозванный за свою походку Пингвином, – и сообщил, что урок сегодня пройдет на улице.

– Девочки волейбол, мальчики разминка!

И свистнул, чтобы ни у кого не возникло сомнения, что так оно и будет. Времени осталось только-только чтобы переодеться, поэтому народ быстренько разбежался на женскую и мужскую половины.

Девчонки только-только потянули через головы юбки и свитера, когда дверь распахнулась. Появилась хитрая физиономия Слепцова.

– Ах ты! – крикнула Анютка, замахиваясь на него свитером. Но Сашки уже не было.

– Мышь! – гаркнули из коридора, и в раздевалку влетело что-то серое.

Стены дрогнули от визга. Девчонки врезались друг в друга, запрыгивая на лавку.

– Это носок! – Натусик продралась сквозь кучу-малу – кому не хватило мест на лавке, пытались втиснуться в угол, – и вышла в центр раздевалки. Пнула серый колобок.

– Грязный.

И следующим ударом ноги послала колобок к двери.

– Копыта свои чаще мойте! – крикнула в коридор. – Слепцов! А ты особенно.

Все захохотали, натянули свитера с платьями обратно и вывалились за дверь. В сторону лестницы мелькнули последние тени. Мальчишки позорно покидали проигранное поле боя.

– Слушай, ну Слепцов что-то последнее время вообще... – Натусик прыгала на одной ноге – она выскочила из кроссовки и теперь на ходу пыталась надеть ее обратно. – Чего он?

– Не замечала. – После вчерашних страданий Маринка была немного как будто во сне. Не хотелось ни думать, ни торопиться. Она плыла, и все вокруг тоже немного плыло.

На улице физрук уже гонял мальчишек вокруг площадки.

– Разминаем руки, приседаем, у вас сегодня волейбол, – крикнул он вышедшим девчонкам.

Девчонки недовольно загудели, ну так, для видимости. Не должны же они сразу на все соглашаться и всему радоваться.

– Аня, проведи разминку, – попросил физрук и смешно побежал следом за мальчишками: немного переваливаясь с ноги на ногу, и даже как будто эти самые ноги не очень-

то и отрывая от земли. – И с вами восьмые классы играют, – добавил он, начиная бежать спиной – это у него вышло еще смешнее, чем бег вперед. – На выбывание, со сменой команд. Аня, начинай разминку!

Анютка выпрыгнула вперед, развела руки. Все тоже приготовились делать что-то очень оздоровительное. Но замерли. Даже бегущие вдалеке мальчишки как будто бы застыли в полете. От школы шли девчонки из восьмого. Они шли, а все остальные на них смотрели.

– Чего мы сразу против восьмого? – возмутилась Плотникова. Она всегда недовольна и возмущается. Когда говорит, рот широко открывает. А еще она всегда первая. Сказала и разбила окаменение. Все задвигались и зашаркали ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.